

О морях и лужах

ПЕРЕКЛЮЧАЕМ КАНАЛЫ

Впервые книги Солженицына пришли к нам в виде подслеповатой машинописной копии на папиросной бумаге. Чтобы что-то там разобрать, под страницу приходилось подкладывать чистый лист бумаги. Передавали их из рук в руки, на одну-две ночи, и передававшие знали, как они рисковали. Помню, мама как-то сказала мне: «Я знаю, что ты где-то достаешь Солженицына. Дай и мне почитать. – Не дам. – Почему? – Если ты попадешься, у тебя будут допытываться, от кого ты это получила. – Но я же никому не скажу. – А это смотря, как будут спрашивать...» Мама поняла и не настаивала.

Сегодня все романы Солженицына, прекрасно изданные, можно встретить в любом магазине и в самой маленькой библиотеке. Читай – не хочу. А хотя бы – не очень, тем более молодежи, для которой годы сталинского террора – это такая же история из книжек, как монгольское нашествие.

Так что новый сериал «В кругу первом» – большое событие хотя бы уже потому, что он освящен именем большого писателя, который когда-то первым донес до массового зрителя атмосферу того проклятого времени, атмосферу липкого страха и полной беспомощности, бессилия хоть что-то предпринять, чтобы страхнуть с себя беспощадную власть инстинкта самосохранения. Это как в ночном кошмаре, когда ты видишь надвигающуюся угрозу, а с места стронуться не в состоянии. После Солженицына о том же писали много, но ошеломил нас все-таки он, Александр Исаевич.

Поэтому сериал стоит рассматривать как приглашение к прочтению книги, так сказать, новую ее презентацию. А эта новая презентация необходима: ведь телевизор смотрят теперь в основном не те, кто жил в сталинское время, а их потомки, у которых другой взгляд на мир, другие интересы и вкусы.

Как и в знаменитом рассказе «Один день Ивана Денисовича», Солженицын в «Круге первом» описывает далеко не самые страшные эпизоды жизни политзаключенных, ведь у Данте в «Божественной коме-

дии» говорится, что в аду – девять кругов, и первый – это еще лишь слабое подобие того, что предусмотрено в круге девятом. Блестящий прием, ибо читатель понимает: если этот ужас – только, так сказать, цветочки, то что же ждет вас там, на самом дне адской воронки!

Да, первый круг гулаговского ада сохраняет некоторые признаки человеческого бытия. Смотрите: ученые, практически пожизненно посаженные в тюремный НИИ, так называемую шарашку, по самой страшной 58-й статье, все-таки живут вместе, могут свободно общаться друг с другом, причем говорят что хотят, чего на свободе не посмели бы. Они даже ходят без конвоя по тюремному двору и по коридорам. У них на двухъярусных кроватях есть простыни! Они, по-видимому, не голодают! Их не избивают! Они ограждены от уголовников! Курорт!..

А по ту сторону колючей проволоки – их родные и близкие, чья судьба, пожалуй что, страшнее: их не берут на работу, на них висит клеймо родственника изменника Родины, перелуганные знакомые, завидев их, поспешно переходят на другую сторону улицы. Им практически хуже, чем тем, на «шарашке»: там хоть кормят и даже дают работать по специальности. В фильме эта мысль отдана Инне Чуриковой, играющей жену одного из ученых-зэков. Не стоит сравнивать нас с женами декабристов, говорит она в фильме, тем было куда легче: их морально поддержи-

Александр Солженицын на фото 1953 года. Уже тогда он знал ответы на многие вопросы.

вали лучшие люди страны, они не голодали, они могли уехать к мужьям...

Но Солженицын безжалостно добивает читателя: если вы думаете, что тем, кто поддерживает эту волну террора, живется свободно и легко, вы ошибаетесь. Взгляните, в страхе живут все – от рядового служебного системы до генералов НКВД. Как затравленные кролики, трясются перед всемогущим Абакумовым его генералы. Крестится перед визитом к Сталину и сам министр, готовый на любое преступление, лишь бы спастись от гнева Самого. Но ведь и Сталин ежедневно и ежечасно бо-

ится предательства, покушения на его жизнь, он прекрасно понимает, что загнанные в угол его так называемые соратники ради спасения собственной шкуры способны на все. В стране нет ни одного (!) человека, свободного от страха, ни по ту, ни по эту сторону колючей проволоки.

Так что же делать нормальному человеку в этом царстве абсурда? Великий польский сатирик Станислав Ежи Лец как-то сказал: «Ну, хорошо, положим, ты пробил головой стену. И что ты будешь делать в соседней камере?» Солженицынский герой отвечает дневнико-

вой записью: «Каждый день в поступках отпечатывай свой путь». Кому-то из зэков это удастся, кто-то, увы, помяется и за чечевичную похлебку небольших поблажек изобретает приборы, которые еще прочнее заковывают тела и души их самих и их товарищей. И судить их легко только тому, кто сам не побывал в сталинских лагерях и застенках или не чувствовал угрозы туда попасть.

И вот все это сегодня – на экране. Все ли удалось режиссеру Глебу Панфилову? К сожалению, не все. Причем ошибки – концептуальные. Думается, что сериал чрезмерно велик и вдобавок нарезан на очень короткие кусочки. На протяжении восьми дней мы видим события, происходившие четыре дня! Впечатление, что режиссер прямо мучился в поисках, что бы еще найти и описать. Вряд ли следовало так подробно, в самых мелких деталях показывать быт и самих заключенных, и их родных на воле. Это затянуло изложение, порой становящееся нестерпимо медленным. Есть серии, в которых почти что вовсе нет развития событий. «Разговоры, разговоры, слово к слову тянется...» Для книги Солженицына, где герои много рассуждают, это нормально, потому что рассуждения эти глубоки и очень актуальны, для телесериала даже десять минут, в течение которых ничего не происходит, смерти подобны.

Думается, что не один телезритель потерял терпение и со вздохом разочарования переключился на Первый канал с его «Золотым теленком», до скучноватости добросовестной книги, пересказом, в котором нового мало, но хоть есть смешные, энергично исполненные сцены. В целом новая версия «Теленка» – явная неудача. Наверное, все-таки не надо разрешать второразрядным режиссерам браться за культовые произведения вроде этого, особенно после блестящих прежних удач его экранизации с Юрским, Гердтом, Быковым и другими корифеями сцены.

Но вернемся к Солженицыну. Дело в том, что роман и сериал поднимают глобальные проблемы бытия. Вот в первой же серии молодой советский дипломат Володин, поняв преступность системы, которой он служит, идет на самоубийственный акт, позвонив в американское посольство и сообщив о готовящемся похищении советскими агентами американских атомных секретов. Володин жил в достатке и почете, поступок его бескорыстен. Даже с позиций сегодняшнего дня – он предатель. А с позиций того зловещего времени?

Некоторые фразы романа и сериала впечатываются в память. «Волкодав прав, а людоед – нет». То есть еще можно понять человека, служащего жестокой системе, но есть и определенные пределы, за которыми у человека, обретшего власть над другими, начинаются садизм, наслаждение от возможности делать жизнь зависящих от тебя людей невыносимой. А предел с другого конца – сила и величие духа, способного выдерживать самые изощренные издевательства и остаться человеком. Об этом легко говорить, а вот сделать... Стоит спросить себя: а я бы смог?

Но, наверное, еще важнее другое. В телевизионном «Послесловии» к сериалу участники обсуждения справедливо говорили, что именно сейчас роман Солженицына современен как никогда, потому что общество снова стало задаваться вопросом, что мы собой представляем и что нам делать дальше. «Не море топит, а лужа», – говорит главный герой Нержин, не море тоталитаризма, которому противостоит братство попавших в «шарашку» честных и стойких интеллектуалов, а грязная лужа дикого рынка, в котором нынче барахтаемся все мы. Выдержим ли, не захлебнемся, останемся великим народом? Или только населением?

Читай! «В кругу первом!»
Владимир ЖЕЛЬВИС,
профессор ЯГПУ.